

Консуэло

Роман в двух томах

Том 2

Жорж Санд

КОНСУЭЛО

Роман в двух томах
Том 2

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
С18

Перевод с французского Александры Бекетовой

Санд, Ж.

С18 Консуэло. Т. 2 / Ж. Санд; [пер. с фр. А. Бекетова]. – М. :
T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 548 с.

ISBN 978-5-521-74727-6 (т. 2)

ISBN 978-5-4467-3330-9

Всемирно известный роман французской писательницы Жорж Санд уже на протяжении двух веков по-прежнему вызывает интерес у широкого круга читателей. Это произведение не только рассказывает о судьбе молодой певицы Консуэло, но и раскрывает перед читателем, что такое вдохновение и подлинное призвание молодой и талантливой актрисы, чей образ проникнут свободолобием, искренностью, ярчайшим талантом и благородством. История Консуэло продолжается в следующем романе Жорж Санд «Графиня Рудольштадт».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© T8RUGRAM, 2018

ISBN 978-5-521-74727-6 (т. 2) © ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018

ISBN 978-5-4467-3330-9

© Перевод. А. Бекетова, наследники, 2018

Глава 59

Консуэло была глубоко растрогана этим изъятием чувств, которое оправдало ее в собственных глазах и успокоило ее совесть. До этой минуты она часто со страхом думала о том, что слишком неосторожно отдается своим великодушным порывам. Теперь она получила одобрение и награду. Ее радостные слезы смешались со слезами старика, и долго оба были так взволнованы, что не могли продолжать разговор.

Однако Консуэло все еще не понимала сделанного ей предложения, а граф, считая, что он достаточно ясно высказался, видел в ее молчании и слезах доказательство согласия и благодарности.

— Я иду за сыном, — проговорил наконец старик. — Пусть у ваших ног узнает он о своем беспредельном счастье и присоединит свои благословения к моим.

— Подождите, господин граф! — воскликнула Консуэло, ошеломленная такой поспешностью. — Я не совсем понимаю, чего вы от меня требуете. Вы одобряете привязанность графа Альберта ко мне и преданность, выказанную ему мною. Вы удостоиваете меня своего доверия, зная, что я не злоупотребляю им. Но как я могу обещать вам посвятить всю жизнь такой странной дружбе? Я понимаю, что вы рассчитываете на время и на мою рассудительность, чтобы поддержать душевное спокойствие вашего благородного сына и охладить его пылкое чувство ко мне, но я не уверена, долго ли я сохраню эту власть над ним; притом, если бы даже подобная близость и не была опасна для такого восторженного человека, как граф Альберт, то я не вольна посвятить свою жизнь этой славной задаче. Я не принадлежу себе.

— О небо! Что вы говорите, Консуэло? Так, значит, вы не поняли меня?

Или вы меня обманули, сказав, что свободны, что у вас нет никаких сердечных привязанностей, никаких обязательств, нет семьи?

— Но, господин граф, — возразила Консуэло недоумевая. — У меня есть цель жизни, призвание, профессия. Я принадлежу искусству, которому посвятила себя с самого детства.

— Великий боже, что вы говорите! Вы хотите вернуться на сцену?

— Не знаю еще. Я не солгала вам, сказав, что меня больше не тянет туда. На этом бурном пути я испытала пока только ужасные мучения, но в то же время я чувствую, что с моей стороны было бы слишком смело дать обещание навсегда отказаться от этого поприща. Такова была моя судьба, и, видно, нельзя избежать будущего, которое ты однажды себе наметил. Но, вернусь ли я на подмостки, буду ли выступать в концертах или давать уроки — все равно я остаюсь и должна оставаться певицей. Да и на что иное я годна? Где еще я могу сохранить независимость? Чем займу свой ум, привыкший к труду и жаждущий этих ощущений?

— О Консуэло, Консуэло! — с горечью воскликнул граф Христиан. — Все, что вы говорите, верно. Но я думал, что вы любите моего сына, а теперь вижу, что вы его не любите.

— А если бы я полюбила его со страстью, которая заставила бы меня забыть самое себя, что сказали бы вы на это, граф? — воскликнула Консуэло, теряя терпение. — Значит, вы считаете, что никакая женщина не может влюбиться в графа Альберта, если просите меня остаться при нем навсегда?

— Что вы, дорогая Консуэло! Или я недостаточно ясно высказался, или вы принимаете меня за безумного. Разве я не про-

сил вашей руки и сердца для моего сына? Разве я не поверг к вашим стопам этот законный и бесспорно почетный союз? Если бы вы любили Альберта, то в счастливой жизни с ним, конечно, нашли бы вознаграждение за потерю вашей славы и ваших триумфов. Но вы не любите его, раз считаете невозможным отказаться ради него от того, что называете своей судьбой!

Это объяснение, независимо от воли добродушного Христиана, несколько запоздало. Не без ужаса и смертельного отвращения жертвовал старый аристократ ради счастья сына всеми своими взглядами на жизнь, всеми убеждениями своей касты. И когда после долгой и мучительной борьбы с Альбертом и самим собой жертва, наконец, была принесена, — окончательное утверждение этого страшного акта не могло перейти без усилия из его сердца на уста.

Консуэло почувствовала или угадала это, так как в ту минуту, когда Христиану показалось, что он не в состоянии добиться ее согласия на этот брак, лицо старика озарилось невольной радостью, к которой примешивалось какое-то странное смятение.

Консуэло мгновенно поняла свое положение. Гордость, быть может несколько эгоистичная, возбудила в ней неприязнь к предлагаемому браку.

— Так вы хотите, чтобы я стала женой графа Альберта? — сказала она, еще ошеломленная таким предложением. — И вы согласились бы назвать меня своей дочерью, согласились бы, чтобы я носила ваше имя, согласились бы представить меня вашим родственникам и друзьям?.. Ах, граф, как вы любите своего сына и как ваш сын должен любить вас!

— Если вы, Консуэло, видите в этом такое необычное великодушие, значит, вашему сердцу оно недоступно или сам предмет кажется вам недостойным его.

— Граф, — заговорила Консуэло после минутного молчания, закрыв лицо руками, — я точно во сне. Гордость невольно воз-

мущается во мне при мысли о тех унижениях, которыми будет полна моя жизнь, если я осмелюсь принять жертву, приносимую вашей отеческой любовью.

— Но кто посмел бы унижить вас, Консуэло, раз отец и сын укрыли бы вас под защитой брака и семьи?

— А тетушка, граф? Ведь она здесь занимает место родной матери, разве она могла бы смотреть на это без краски негодования?

— Она сама присоединится к нашим мольбам, если вы дадите слово уступить. Не требуйте от человеческой природы того, что превышает ее силы: и возлюбленный и отец могут вынести унижение, горе отказа, — моя сестра не справится с этим. Но, уверившись в успехе, мы приведем ее в ваши объятия, дочь моя.

— Граф, — обратилась к старику трепещущая Консуэло, — стало быть, граф Альберт говорил вам, что я люблю его?

— Нет, — ответил граф, вдруг вспомнив что-то, — Альберт говорил мне, что препятствие именно в вашем сердце. Он сто раз повторял мне это, но я не мог ему поверить. Вашу сдержанность по отношению к нему я объяснял вашим прямотушием и вашей скромностью; и все же я думал, что, освободив вас от ваших сомнений, я добьюсь того признания, в котором вы отказали ему.

— А что сказал он вам о нашей сегодняшней прогулке?

— Лишь несколько слов: «Попытайтесь, дорогой отец: это единственное средство узнать, гордость или отчуждение закрывают для меня ее сердце». — Увы, граф! Что подумаете вы обо мне, если я скажу вам, что и сама этого не знаю?

— Я подумаю, дорогая Консуэло, что это отчуждение. Ах, сын мой, бедный мой сын! Как ужасна его судьба! Единственная женщина, которую он смог полюбить, не любит его. Только этого несчастья нам не доставало.

— Боже мой! Вы должны ненавидеть меня, граф, вы не понимаете, как может противиться моя гордость, раз вы жертвуете своею. Вам кажется, что для гордости такой девушки, как я, гораздо меньше оснований, а между тем, поверьте, в эту минуту в сердце моем происходит борьба не менее жестокая, чем та, из которой вы вышли победителем.

— Нет, я понимаю это. Не думайте, синьора, что я так мало уважаю целомудрие, прямодушие и бескорыстие, чтобы не суметь оценить гордость, опирающуюся на такие сокровища. Но то, что смогла победить отцовская любовь (видите, я говорю с вами совершенно откровенно), я думаю, сможет победить и любовь женщины. Ну что же, предположим даже, что вся жизнь Альберта, ваша жизнь и моя были бы борьбой со светскими предрассудками, от чего пришлось бы долго и много страдать и нам троим и моей сестре с нами. Да разве наша взаимная любовь, чистая совесть, преданность друг другу не помогли бы нам стать сильнее всего светского общества? Для великой любви ничтожны все те беды, которые так страшат вас и за себя и за нас. Но вы с тоской и страхом ищите в глубине своей души эту великую любовь и не находите ее, Консуэло, потому что ее там нет.

— О да, в этом, и только в этом все препятствие, — проговорила Консуэло, крепко прижимая руки к сердцу, — все остальное пустяки. У меня тоже были предрассудки. Вы подаете мне пример того, как я должна отбросить их, чтобы сравняться с вами в величии и героизме. Не будем больше говорить о моих чувствах, о моем ложном стыде; не надо даже касаться моей будущности и моего искусства, — добавила она со вздохом.

— Я смогу и от этого отречься, если... если... если я люблю Альберта! Вот что нужно мне знать. Выслушайте меня, граф. Сто раз спрашивала я себя об этом, но никогда у меня не было того спокойствия, какое дает мне теперь ваше согласие. Как могла я раньше серьезно думать о чем-либо, когда даже самый этот во-

прос казался мне безумием и преступлением? Теперь же, мне кажется, я сумею разобраться в себе и решить. Дайте мне несколько дней, чтобы собраться с мыслями и понять, есть ли моя безмерная преданность ему, безграничное уважение, внушаемое мне его достоинствами, эта огромная симпатия, эта странная власть его слов надо мной, — есть ли все это любовь или восхищение. Ведь все это я чувствую, граф, но с этим борется во мне невыразимый ужас, глубокая печаль и (скажу вам без утайки, мой благородный друг!) воспоминание о любви, менее восторженной, но более мягкой, более нежной, совсем непохожей на эту.

— Вы странная и благородная девушка! — с умилением проговорил граф Христиан. — Сколько мудрости и своеобразия в ваших словах и мыслях! Вы во многих отношениях похожи на моего бедного Альберта, а тревожная неуверенность ваших чувств напоминает мне мою жену, мою благородную печальную красавицу Ванду. О Консуэло! Какое сладкое и вместе с тем горестное воспоминание будите вы в моей душе! Знаете, я хотел было сказать вам: победите свою нерешительность, справьтесь со своими опасениями, полюбите этого несчастного, обожающего вас человека, полюбите из чувства добродетели, величия души, сострадания! Быть может, он и не даст вам счастья, но, спасая его, вы заслужите награду на небесах. Однако вы напомнили мне его мать, отдавшуюся мне из чувства долга и дружбы. Она не могла любить меня, простого, добродушного, робкого человека, той восторженной любовью, которой жаждала ее душа. До конца она была верна мне и великодушна, но как она страдала! Увы! Для меня ее любовь была и отрадой и мукой, а ее постоянство — гордостью и укором. С горя она умерла, а мое сердце было разбито навеки. И если сейчас я — существо ничтожное, незаметное, мертвое, не слишком удивляйтесь этому, Консуэло. Я выстрадал то, чего никому не понять. Ни одному человеку ни-